

Всего день инкубационного периода. Внезапное начало. Высокая температура, головная боль, кашель и усталость. Когда Сэн упал в обморок посреди клиники, она всё поняла. Юи вместе с Эйджи перенесли его в карантин.

— Я скоро поправлюсь. — Заверил он между приступами кашля. На его лице блестели капельки пота, и у него едва хватало сил, чтобы перевернуться на койке. — Всего лишь неделя. Неделя, и мне станет лучше.

— Да, тебе станет лучше. — Эйджи потянулся вниз, чтобы сжать руку друга, но не дотронулся до нее. Он медленно отстранился. — С тобой всё будет хорошо.

Юи не нужно было прикасаться к коже брата, чтобы почувствовать жар, исходящий от нее.

Одна неделя превратилась в две. Большинство пациентов выздоровели, но некоторые не поправились. Сэн всё ещё оставался на койке, но постоянно протестовал против того, чтобы лежать без дела, уверяя их: «Мне лучше! Позвольте мне помочь!»

Однажды он попытался встать сам. Он тут же споткнулся, ударился локтем о койку и упал на пол. Сэн не мог подняться. Не мог позвать на помощь. Его легкие были настолько слабы, что каждый раз, когда он пытался кричать, у него начинался приступ кашля.

Через десять минут Юи нашла его хрипящим и задыхающимся на полу. Она помогла ему подняться и принесла другое одеяло. Ей хотелось отругать его за то, что он рискует своим здоровьем, но Юи знала, что заплачет, если скажет хоть слово. Она повернула голову и моргнула, стараясь, чтобы он не увидел собирающихся слез.

Но он всё равно заметил.

Сэн больше не пытался встать.

Острая лихорадка. Пульс выше девяноста ударов в минуту, дыхание больше двадцати вдохов. По скорости его пульс был схож с мельтешащими крыльями бабочки, а хлюпанье в легких — на хлопки этих крыльев.

Это напоминало пневмонию. Напоминало сепсис. После кашля его язык покрывался гноем, и сквозь всё это он хрипел:

— Мне станет лучше, я поправлюсь!

Эйджи отозвал ее в сторону.

— Он поправится?

Кашель Сэна гулко отдавался за стеной. Он делал паузу, задышался, и каждая его отчаянная попытка сделать глоток воздуха прерывался возвращающимся кашлем. Это уже больше напоминало всхлипывание, а не вдохи.

Её дыхание останавливалось каждый раз, когда оное останавливалось у её брата. Она не спала, опасаясь, что он ускользнет во мрак, когда ее не будет рядом. Юи посмотрела на своего второго ученика. Он хотел, чтобы она утешила его, но она больше не могла этого делать. Ей хотелось кричать на него, кричать на кого-то, забиться в угол и плакать, пока не высохнут слёзы, наконец, признать, что всё не в порядке, что она больше так не может. Ей хотелось, чтобы кто-то обнял ее и солгал, сказал, что всё будет хорошо.

Но это её обязанность, а не кого-то другого.

— Я не знаю. — Наконец сказала Юи. — Я не знаю.

Бледная кожа.

Бред.

— Больно. — Простонал он. — У меня болит живот. Ма, помоги мне! Больно!

Юи не могла ничего сделать.

Она не могла остановить вирус. Она не могла использовать свой не очищенный пенициллин, чтобы вылечить брата. Она знала, что могло бы ему помочь. Но у нее ничего из этого не было. Ни противовирусных препаратов, ни внутривенных жидкостей, ни аппаратов искусственной вентиляции легких. Юи знала о медицине больше, чем любой другой человек, живущий в этом мире, и она не могла спасти своего младшего брата.

— Всё будет хорошо. — Солгала она, откидывая его волосы назад. — Всё будет хорошо.

Юи и Эйджи менялись местами, когда ей нужно было поесть. Сестры и мать Юи приходили по очереди, все бледные и готовые к работе. Теперь настала очередь матери. Она стояла в углу, всхлипывая, знакомая с этой болью потери.

— Мне жаль. — Сэн произнёс это сквозь зубы, с толикой злости и внезапно широко раскрыл глаза. Из его красных, воспалённых очей потекли слёзы. — Я слабый. Я не могу... сделай так, чтобы это прекратилось...

— Не извиняйся, Сэн. — Сказала Юи, схватив его за руку. — Ты самый лучший младший брат и ученик во всем мире, ясно?

— Я не могу... Я боюсь. Мне страшно.

— Всё будет хорошо...

— Я не хочу... Я не...

Юи не могла сжать его руку крепче. Его кожа была натянута на кости, как сухой пергамент. Она прошептала, мягко, успокаивающе и отчаянно:

— Скоро станет легче.

Лицо младшего брата искривилось в ужасе: рот открыт, уголки губ опущены, кожа на шее пошла складками, а взгляд устремился куда-то ей за спину, будто он увидел то, что пришло за ним.

Два резких вдоха, серия конвульсий.

Смерть.

Юи продолжала работать. Потому что должна была. Грипп прошел, и она сняла карантин. Жизнь вернулась в привычное русло. Она делала обходы, перевязывала раны, принимала роды и лечила болезни. Юи даже работала над пенициллином, хотя холодная погода была еще одним препятствием.

Она избегала микроскопа, пользуясь им только в случае необходимости. В остальное время держала его накрытым.

Юи не плакала, потому что ей это было не нужно.

Она была в порядке.

Тем не менее, люди были добры к ней. Они делали скидки, соболезновали и смотрели с жалостью. В течение месяца ей не нужно было готовить; каждый второй человек предлагал отнести ей продукты или помочь с разными поручениями. Все ее частые клиенты проходили через один и тот же процесс: спрашивали о ее учениках и медленно убирали с лица улыбку, услышав ответ. Эмигику оставила цветы, невесть где найденные посреди глубокой зимы. Цубаки обняла ее.

Люди были добры к ней.

Она этого не хотела.

В клинике было тихо. Падая снег, горел огонь, Юи молча читала свиток Мадары. Слова складывались в предложения, но предложения не обретали смысла. Она прочитала одно и то же уже в пятый раз — бесполезно. Книга Хаширамы «Чакра и медицина» тоже лежала на столе. Как и учебники Макото.

Она не хотела их читать. Она не хотела учиться, она не хотела двигаться, она не хотела ничего делать. Но она должна была, и она делала.

Юи прочитала предложение в шестой раз, и некоторые слова начали закрепляться.

«Собрав чакру в ладонях, сформируй печать...»

Она потеряла глаза. Она так многого не знала о чакре. Книга Хаширамы помогала ей, пополняя базовые знания, необходимые для использования техники Мадары. Один из учебников Макото кратко рассказывал о болезнях чакры, но не вдавался в подробности.

Она так многого не знала. Она так многого не помнила. Если бы только...

Дверь открылась, и ночной воздух заставил ее вздрогнуть. Вошел Эйджи. Он молча присоединился к ней, злой. Она понимала это по тому, как он избегал смотреть на нее, по тому, как он вонзал ногти в ладони, сжимая кулаки, по отсутствию вежливого приветствия. Юи, вероятно, должна была быть обеспокоена. Ей следовало бы обидеться на его грубость или спросить, в чем дело, но она этого не сделала. Она вообще ничего не почувствовала.

— Ты вылечил Каори? — Спросила она вместо этого.

— Да. — Эйджи потер свои бледные пальцы, подул на них и провел ими перед камином. Он снял шарф и продолжал избегать ее взгляда.

— Что насчет...

— Я сделал всё, что нужно. — Он отвернулся от огня и пошел к внутренней двери, ведущей в спальню, где спали Эйджи и Сэн.

Спали.

Эйджи захлопнул за собой дверь достаточно сильно, чтобы рама вздрогнула.

«Гнев — тревожный признак» — Подумала она.

Эйджи был склонен держать всё в себе и самостоятельно тушить гнев, если же ему этого не удавалось, то он вырывался наружу, разрушительно и внезапно. Это сильно контрастировало с Сэном, который свободно рассказывал о своих чувствах. Эйджи же требовалось, чтобы кто-то уколол его, прежде чем он вообще что-то скажет. Сэн всегда так поступал, всегда был готов не дать другу увязнуть в своих мрачных мыслях. Возможно, теперь она должна делать это вместо своего брата.

Юи вернулась к своим свиткам и продолжила читать.

Эйджи налил себе чашку чая. Ей не предложил. Да она и не просила.

— Ты всё ещё читаешь этот свиток?

— Да. — Ответила она. — Кё сломал руку, и у него была рана от локтя до плеча. Я наложила шину и промыла, но мы должны его осмотреть...

— Тебя это не волнует?

Юи не ответила. Она уставилась на слова на бумаге. Она закончила его почти наполовину, но всё ещё многого не понимала. Юи снова перечитала предложение.

«Притупление ощущений требует тонкого баланса...»

— Ты ведешь себя так, будто ничего не случилось. Как ты можешь просто сидеть? Ты даже не плакала. Ты же его сестра! Разве ты не любила его?!

Она должна чувствовать злость на его обвинения. Она должна что-то чувствовать. Она должна чувствовать что-то, кроме этой глубокой усталости, этого тумана, который затуманивал и притуплял мысли.

Юи продолжала читать.

«...иначе чакра повредит кожу»

— Я знал Сэна. Он был моим лучшим другом. Я любил его. — Руки, которыми он держал чашку с чаем, дрожали. — Я любил его как брата, то есть, как тебя... как ты любила его. Как ты должна была его любить.

Тень прежней Юи с её прежней сообразительностью ухватила за оговорку ученика. На жалкое мгновение в пустоте, заполнившей душу, что-то всколыхнулось. Это нечто отдалённо напоминало удивление. Эйджи любил её брата по-другому. Это многое объясняло. В частности, то, почему он никогда не ухаживал за девушками.

Ассоциативные цепочки в голове Юи продолжили раскручивать виток мыслей:

Исследования показали, что у самцов многих видов животных наблюдается гомосексуальное поведение. У каких-то процент особей выше, как у серых гусей, у каких-то ниже, как у львов. Люди не исключение. Однако в отношении людей имеет место не только физиологический, но и психологический, а также социальный фактор. В средневековье такие взгляды считались девиантными, так что представителей нетрадиционной ориентации было меньше. Хотя однозначно утверждать невозможно, так как нет статистики, только логика.

Интересно, у чего шанс был выше: что один из учеников будет геем, или что он умрёт от острого вида гриппа, похожего на испанку?

«Слишком много чакры может привести к ожогам на поверхности кожи. Слишком малое количество чакры не приносит облегчения от боли»

— Он считал тебя гением. Мы оба так считали. Но всё, что я перед собой вижу — это женщина с ледяным сердцем, которая никогда даже не заботилась о нем! — Он бросил чашку на пол, и она разлетелась на тысячу осколков. — Ты ужасная сестра.

Эйджи выбежал, оставив ее наедине со своими свитками. Когда он ушел, она наконец подняла голову. Чашка, которую он бросил, была изящной, фарфоровой, из набора на четыре персоны. Осколки с цветочным орнаментом рассыпались по полу, как будто он внезапно расцвел. Чай расплескался по полу, просачиваясь между краями циновки татами.

Он прав. Она ужасная сестрой. Это она виновата в его смерти.

Путешественники, которых притягивала к себе клиника, привела к процветанию деревни. Но всё те же путешественники принесли с собой грипп. Легко было говорить себе банальности, что она не виновата, что иногда люди умирают, и она ничего не может с этим поделать... это факты. Однако это не меняло того, что она чувствовала. И не меняло того, что она не чувствовала.

Юи оглянулась на беспорядок. Наверное, ей стоит прибраться. Юи опустила взгляд на свой свиток и начала с самого начала.

<http://tl.rulate.ru/book/69328/2010134>